

В конце концов, император, сквозь стиснутые зубы, согласился на брак Гу Фучжоу с Линь Цинюем. На Северо-Западе снова вспыхнула война, и в это время ему нужно было умиловить Гу Фучжоу. Кроме того, наставник нации Сюй также подтвердил, что брак между ними был знаком благоприятности. Ради общего блага он мог только подавлять свои личные эгоистичные желания. Выбирая между страной и красотой, как правитель страны, он все еще мог сказать, что было для него важнее.

Император только согласился. Он не даровал брак. Тем не менее он сделал заявление: «Супруги-мужчины не должны снова входить во дворец в качестве чиновников».

Услышав это, Гу Фучжоу хотел пойти к императору и снова поспорить с ним. Но Линь Цинюй остановил его: «Не волнуйся, пройдет совсем немного времени, прежде чем император пригласит меня обратно».

Гу Фучжоу жаловался притворяясь: «Лекарь Линь снова сделал что-то плохое, но не взял меня с собой».

Линь Цинюй лишь заметил: «Я не думаю, что это можно назвать „чем-то плохим“».

В тот день, когда Линь Цинюй покидал дворец, большинство его коллег в Императорской лечебнице безразлично наблюдали за его сборами. Неожиданно помимо Ху Цзи, только Чу Чжэндэ пришел проводить его.

У старика все еще было уродливое выражение лица, когда он смотрел на него. А его слова все еще были эксцентричными и циничными: «Что за внезапный нелепый брак! Ты губишь свой талант!»

Линь Цинюй равнодушно ответил: «Именно из-за этого таланта время от времени я могу тратить время попусту».

Раздраженный Чу Чжэндэ аж поперхнулся и взволнованно воскликнул: «Поторопись и уходи! Сам твой вид приносит другим несчастье».

Линь Цинюй не сразу ушел – перед уходом его нашел евнух из Восточного дворца и передал приглашение наследного принца к себе.

Спустя много дней Линь Цинюй снова увидел Сяо Чэна. Он с большим трудом смог удержаться от смеха.

Проведя некоторое время на грани жизни и смерти, Сяо Чэн теперь был далек от своего прежнего жизнерадостного «я». Потерявший половину своего веса, впавшие щеки, бескровные губы – даже великолепная одежда не могла скрыть его плачевное состояние. По мнению Линь Цинюя, дела у него шли ненамного лучше, чем у Шэнь Хуайши в тот день в храме Чаншэн.

Сейчас, когда эти глаза смотрели на Линь Цинюя, из них исчезли его былая надменность и рациональность, его высокомерие и подозрительность; остались только упрямство и обида.

Линь Цинюй произнес стандартное приветствие: «Приветствую ваше высочество».

Сяо Чэн не смотрел ему в глаза, как делал это в прошлом. Он сразу перешел к делу: «У тебя есть какие-нибудь новости о Шэнь Хуайши?»

Линь Цинюй приподнял в удивлении брови: «Императорский телохранитель Шэнь – личный телохранитель его высочества. С чего бы его высочеству спрашивать о нем меня?»

Губы Сяо Чэна были плотно сжаты. Прошло так много времени, а отряд Тяньцзи так и не обнаружил местонахождение Шэнь Хуайши. Ему некуда было выплеснуть свое беспокойство и негодование. Он проводил весь день в Восточном дворце, круша все, что попадалось на глаза, но никак не мог отвлечься. Так было пока теневой страж отряда Тяньцзи дрожащим голосом не спросил: «Прошу прощения у вашего высочества, но есть ли у императорского телохранителя Шэнь родственники или друзья? Мы можем начать с этих людей».

Сяо Чэн был ошеломлен. После долгих размышлений он вспомнил о Линь Цинюе.

Все родственники и друзья Шэнь Хуайши исчезли вместе с Вратами Небесной Тюрьмы три года назад. За последние три года, кроме него самого, единственным человеком, с которым у Шэнь Хуайши наметилась хоть какая-то значимая связь, был Линь Цинюй. В противном случае он не появился бы, чтобы просить за лекаря в день рождения Цзинчунь.

«Тебе нужно только ответить на наш вопрос. Кроме того, разве мы разрешали тебе задавать вопросы?»

Линь Цинюй ответил: «В последний раз, когда этот чиновник видел императорского телохранителя Шэнь, он был в Императорской медицинской канцелярии. Я не знаю, какое поручение вашего высочества он выполнял, но он был весь изранен. Этот чиновник просто дал ему несколько лекарств. Вот и все».

«Он тебе что-нибудь говорил?»

Сяо Чэн на самом деле не очень надеялся, что Линь Цинюй что-то знает, но он действительно... пребывал в полной растерянности. Если и была хоть какая-то информация, какой бы несущественной она не казалась, он собирался использовать ее.

Линь Цинюй на мгновение задумался и ответил: «Он упомянул принцессу Цзинчунь».

«Цзинчунь? – Сяо Чэн нетерпеливо продолжил расспросы. – Что конкретно он сказал?»

«Он сказал, что он и принцесса Цзинчунь выросли вместе. С тех пор как принцесса была вынуждена вступить в политический брак с королем Севера, прошло три года. И он не знает, как она жила всё это время».

Сяо Чэн уточнил: «Он сказал, что собирается на север?»

Слишком точные указания только насторожили бы его, сделав подозрительным. Линь Цинью поправил его: «Он никогда этого не говорил. Просто сказал, что как теневой страж, естественно, должен всегда оставаться рядом с его высочеством».

Сяо Чэн сузил глаза и произнес: «Мы закончили».

Перед уходом Линь Цинью спросил: «Ваше высочество знает о моем браке с генералом Гу?»

«Я знаю, – сказал Сяо Чэн, продолжив с издевкой. – Тело Лу Ваньчэна даже еще не остыло, а ты уже спешишь снова выйти замуж. Линь Цинью, ты действительно не можешь жить без мужчины. Однако, что такой воин, как Гу Фучжоу, знает об удовольствии? И такой инвалид, как Лу Ваньчэн. Он никогда не смог бы удовлетворить тебя. Если бы ты просто тогда отдался мне, то давно распробовал бы вкус костного мозга*».

[Примечание: 尸骨 / shǐ sǔ zhī wèi. Попробовав костный мозг, узнать его вкус; обр. познать вкус; сделав раз, захотеть ещё. Это метафора человека, который становится жадным после того, как однажды получил выгоду/удовольствие.]

Линь Цинью мог видеть, что Сяо Чэн просто болтает чушь. В его нынешнем состоянии, даже если принцесса Цзинчунь вернется, он, возможно, не сможет соответственно отреагировать на ее присутствие при всем желании.

«Ваше высочество неоднократно демонстрировали мне свою доброжелательность. Я думал, ваше высочество хотели видеть меня по этому вопросу. Я не ожидал, что ваше высочество даже не упомянет о моем браке с генералом Гу, беспокоясь только о возможном местонахождении императорского телохранителя Шэнь, – Линь Цинью слегка усмехнулся. – Кажется, в сердце вашего высочества я гораздо менее важен, чем императорский телохранитель Шэнь».

Сяо Чэн был ошарашен, как будто только сейчас осознал это. Затем он быстро произнес, как бы убеждая самого себя в первую очередь: «Единственная наша забота – это то, чтобы он получил свое наказание и как можно скорее пострадал от последствий своего проступка».

Линь Цинью заметил, подтверждая: «Должно быть так и есть, как говорит ваше высочество. Этот чиновник отклоняется».

Несмотря на ходившие вокруг слухи, брак Линь Цинюя и Гу Фучжоу был окончательно

устроен. Решение о свадьбе было принято в спешке, но под руководством матери Линь и Юань Иня все, от церемонии помолвки до выбора дня свадьбы, прошло гладко.

Когда Линь Цинъюй выходил замуж до этого, он практически не готовил приданого. На этот раз мать Линь подготовила для него список приданого, на что он ответил: «Ты можешь добавить еще немного».

Матушка Линь выглядела смущенной: «Цинъюй, твой отец уже много лет занимает свой пост, и он всегда держал свои руки в чистоте. Это все, что у нас есть».

Линь Цинъюй улыбнулся и предложил: «Мама неправильно меня поняла. Я тот, кто выходит замуж, естественно, я сам заплачу свое приданое. Как я могу использовать сбережения родителей? Не волнуйся, мама, я поручу другим разобраться с этим вопросом».

Матушка Линь обеспокоенно спросила: «Как ты будешь платить за свое приданое? Как долго ты работаешь?»

«Я позволю молодому мастеру Хоу помочь мне».

Лу Ваньчэн оставил ему так много имущества. Он давно уже беспокоился, что в этой жизни ему некуда будет его потратить.

Матушка Линь была застигнута врасплох таким ответом, возразив: «Э-это нехорошо».

«В этом нет ничего плохого, – Линь Цинъюй слегка улыбнулся. – Если бы там в загробном мире молодой мастер Хоу узнал о моем браке, он мог бы даже убедить меня принести больше в резиденцию генерала».

Мать Линь чувствовала, что все меньше и меньше понимает своего старшего сына. Тем не менее она никогда не вмешивалась в решения Линь Цинюя и устроила все так, как хотел сын.

Парам, не состоящим в браке, не разрешалось встречаться наедине до свадьбы. Хотя Гу Фучжоу не мог видеть Линь Цинюя, это не помешало ему послать много вещей одну за другой. Например, свадебное одеяние, которое тому нужно было надеть, лично выбрал Гу Фучжоу, и Юань Инь доставил его в резиденцию Линь.

Линь Цинъюй знал, что у Гу Фучжоу была необъяснимая одержимость его свадебным нарядом. Он думал, что Гу Фучжоу выберет еще более изысканное свадебное одеяние, чем то, которое он носил до этого, когда они впервые поженились. Неожиданно, хотя свадебное платье, которое он прислал, было сшито из превосходной парчи, на нем было мало вышивки. Это было простое алое одеяние, похожее на чистое горящее пламя.

Линь Цинъюй коснулся кольца на безымянном пальце. Рельеф на нем тоже был очень

простым. У Гу Фучжоу было хорошее видение и изысканный вкус. Сам он не любил наряжаться слишком броско.

Вместе со свадебным нарядом пришло письмо от Гу Фучжоу. Это была целая страница разговорной речи, заполненная его жалобами на усталость и голод в эти дни, на то, что он едва мог выносить это. После этого он сокрушался о человеческой жизни, о том, насколько она бессмысленна, о том, что лучше прыгнуть в озеро, если нельзя есть мясо.

Линь Цинъюй был озадачен, спросив: «Если отбросить усталость генерала, с чего бы ему быть голодным?»

Юань Инь беспомощно поведал: «Чтобы мотивировать себя тренироваться, генерал заказал себе свадебный наряд немного уже. Последние несколько дней он почти ничего не ел, ограничиваясь зелеными овощами и редисом. Вчера он даже схватил меня, допрашивая, почему люди так живут, просто, чтобы жениться на красивой жене. Мир этого не стоит...»

Линь Цинъюй лишь молча слушал.

Нынешний Гу Фучжоу на самом деле был довольно высоким, с широкими плечами и длинными ногами. Слова о том, что его нельзя было сделать еще лучше, не были бы слишком большим преувеличением. Все было идеально. Линь Цинъюй намеренно сказал ему тогда, что его мышцы живота ослабли, чтобы побудить его быть усердным в тренировках. Неплохо было бы немного больше заниматься физическими упражнениями. Неожиданно, это стало таким большим ударом для Гу Фучжоу.

Линь Цинъюй рассмеялся и попросил: «Передай ему, что мне не нравятся слишком худые мужчины. Пусть он хорошо питается».

Автору есть что сказать:

Наконец-то, второй брак~!